

ОБ ОТРАЖЕНИИ ГЕНДЕРА В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ*

А.С. Лобанова, С.С. Шляхова (Пермь)

Лингвистическая гендерология (или гендерная лингвистика) – относительно новое направление в отечественном языкознании, однако развитие этой науки протекает бурно, и уже сегодня можно констатировать значительный перечень исследований в этой области. В сферу исследований входит гендер как культурный феномен, его отражение в языке и конструирование в коммуникативном взаимодействии индивидов. Все это позволяет привлечь к изучению широкий круг лингвистических вопросов – семантику, прагматику, лингвокультурологию, когнитивную лингвистику и т. д.

Гендерный подход позволяет точнее и четче учитывать человеческий фактор в языке. Какие средства языка используются для конструирования гендерной идентичности? В каких типах текста и дискурса это происходит с наибольшей степенью интенсивности? Какие ограничения накладывает гендерный фактор на употребление языковых единиц; как эти ограничения фиксируются в лексикографических и иных нормативных трудах? Как меняется описание семантики в связи с получением новых данных? Носят ли ограничения абсолютный характер? Эти и многие интереснейшие вопросы являются предметом наших наблюдений.

Гендерные языковые варианты коми-пермяцкого языка не подвергались специальному исследованию и уже по этой причине, на наш взгляд, представляют собой научный интерес.

Данные исследования позволяют выявить представленность гендерных стереотипов в коми-пермяцком языковом сознании, а также говорить о гендерной маркированности собственно их речевого поведения.

Данные, полученные на русском ассоциативном материале в плане изучения образов фемининности и маскулинности, показали, что в целом наблюдается, например, высокая оценка женского интеллекта, в основном положительное отношение к женщине, значимость ее внешности. Практически неизменной осталась высокая ценность материнства и такие качества, как любовь, самоотверженность, самопожертвование. Несколько размыт мужской образ. Частотными являются как реакция «сильный», так и «красивый», а реакция «умный» не является частотной. Традиционно «мужской»

* Работа выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 10-01-82108а/У.

стереотип не выражен ярко. Негативные оценки мужчин связаны в основном с алкоголизмом, отчасти с супружеской неверностью. Многие реакции, особенно относящиеся к личностным качествам, повторяются как в оценке мужчин, так и в оценке женщин (Кирилина 1999).

Мужское доминирование в результатах современных ассоциативных экспериментов практически не представлено. Так, по данным ассоциативного эксперимента, информанты, независимо от пола, ассоциируют образ русской женщины с терпением, добротой, трудолюбием, красотой, любовью (в первую очередь, материнской) и самоотверженностью. Информанты ценят в русской женщине активность, решительность, энергию и целеустремленность, а также хозяйственность и материнство, высокие нравственные качества: верность, отзывчивость, способность к сочувствию, эмоциональную теплоту. В русском языковом сознании образ женщины имеет явно более выраженную положительную оценку в отличие от образа мужчины. При этом женственность ассоциируется не со слабостью, а силой, решительностью, выносливостью, терпением, любовью, умом и красотой.

С высокой долей вероятности можно предположить мужское доминирование в коми-пермяцкой культуре в прошлом и «гендерный» сдвиг в современности. Это можно проследить на исконных терминах родства и формах употребления собственных имен. Так, довольно большую распространенность составляют производные и сложные лексемы, одним из компонентов которых является термин *ай* 'отец': *айка* 'муж' *вежай* 'крестный' (досл. святой отец), *йёзай* 'свекор' (досл. чужой отец), *сёрай* 'отчим' (досл. поздний отец), *айкокпöв* 'вылитый отец' (досл. род по ноге отца). Обозначая различные родственные отношения, компонент *ай* теряет свое первоначальное значение и в большей степени начинает указывать на принадлежность к мужскому полу. Происходит своеобразная утрата им лексического значения, а основная смысловая нагрузка фиксируется на первом компоненте: *веж* 'святой', *сёр* 'поздний' и др. Сегодня в коми-пермяцком языке слово *айка* 'муж' встречается в основном в северном наречии, сохранилось в художественных текстах, изданных в 20–30 гг. прошлого столетия, например, ... *быдмин, айка сайö йёз пытикö мунин...* (... выросла, замуж в народ пошла... А. Зубов).

В южных диалектах используется слово *жёник* (< рус. жених). При заимствовании из русского языка лексема получила некоторые фонетические изменения, а также семантические расхождения. Если в русском языке термин *жених* обозначает 'мужчину, вступающего в брак', то в южных диалектах коми-пермяцкого языка – 'мужчина, уже вступивший в брак', например, *жёникö гортын абу* 'моего мужа дома нет'. Интересно, что первоначальное значение русского варианта функционирует в северных диалектах коми-пермяцкого языка, например, *жёникöлö босьтiм костюм* 'моему жене купили костюм'.

Расхождения в семантике происходят и при сравнении слова *айка* в двух коми языках: в коми-пермяцком этим словом называют мужа, а в коми-зырянском – свекра, отца мужа. Для передачи семантики 'крестная, све-

кровь' ожидаемым вариантом (по аналогии с *ай*) были бы производные и сложные лексемы с компонентами *ань, инь* 'жена, женщина'. Однако в коми-пермяцком языке по этому способу образовалось лишь одно слово – *вежань* 'крестная' (досл. 'святая мать'). Остальные слова и выражения содержат заимствованный компонент *мам: сёрмам* 'мачеха' (досл. 'поздняя мать'), *мамкокиöv* 'вылитая мать'.

Далее уточним один интересный момент: в современном коми-пермяцком языке существует два самостоятельных термина *монь* и *кенак*, существенно отличающихся по своей семантике: *кенак* – 'жена брата', *монь* – 'жена сына, невестка'. В русском языке для обозначения этих понятий функционирует один вариант – невестка. Таким образом, 'чужая' женщина в роду дифференцирована в коми-пермяцком языке более тонко, чем в русском.

Формы употребления собственных имен в современном коми-пермяцком языке также указывают на былую мужскую доминирующую составляющую. В составе сложного наименования собственного имени практически всегда присутствует компонент, указывающий на мужскую принадлежность: незамужнюю девушку знают по имени отца, присутствующего в наименовании (*Василь Миша Таня* 'Таня, дочь Михаила Васильевича', *Бöрис Толя Наташа* 'Наташа, дочь Анатолия Борисовича'), а замужнюю – по имени мужа (*Чигишка Таня* 'Таня, жена Чиги (кличка мужа)', *Петрика Наталь* 'Наталья, жена Петра').

Даже поверхностные наблюдения над гендерными номинациями в коми-пермяцком языке позволяют увидеть перспективность подобных исследований.

Именно гендерные исследования в коми-пермяцком языке представляются весьма перспективными, поскольку язык коми-пермяков, как младописьменный, во многом сохраняет следы первоначал языка, архаичные формы и модели поведения.

Еще в начале XX в. у коми-зырян и коми-пермяков сохранялось глубокое убеждение в том, что в женщине пребывает существо *пеж*, способное приносить мужчинам вред (Налимов 1908). Поэтому на мужчин и женщин распространялись многочисленные запреты. Например, считалось, что вредная сила передается от женщины к мужчине через веретено, с помощью которого пряли. Поэтому мужчины избегали не только брать веретено из рук женщин, но и поднимать его с полу, если оно выпало из их рук. В с. Верх-Иньва В.П. Налимов наблюдал такие сцены: «Иногда девушки на посиделках просят парней поднять и подать в руки веретено. Парни за это обижаются, бросают веретено в печку, наотмашь». Нарушение такого правила могло привести к какому-либо несчастью: охота не приносила удачи, лошадь быстро становилась изнуренной, мужчина страдал половым бессилием.

Для мужчин, имевших половые сношения, существовало множество табу. Например, они не должны были перешагивать через сети и силки, иначе рыба и дичь в них могли не пойти. Оскверненные снасти обязательно окуривали (с. Архангельское). Мужчины избегали половых связей перед посе-

вом, сенокосом, жатвой, а также накануне охоты, рыбной ловли. Сами коми-пермяки уже не могли объяснить В.П. Налимову смысл этих запретов, однако им строго следовали. Происхождение таких запретов нужно искать в том далеком времени, когда, согласно представлению коми-пермяков, для успеха в хозяйственной деятельности и личной жизни необходимо было обзаводиться духами-помощниками и относиться к ним уважительно. Г.Н. Чагин пишет: «К сожалению, проявленный В.П. Налимовым интерес к социальным и сакральным сторонам отношения полов у иньвенских коми-пермяков впоследствии не получил поддержки, и важная область традиционной культуры осталась неизученной. Вероятность реконструкции норм поведения и форм взаимоотношения полов сейчас очень мала, поскольку письменные источники сохранили фрагментарную информацию, а современное население мало что помнит из прежних семейно-родственных связей» (Чагин; Налимов 1908).

Однако реконструкция этих норм возможна именно по лингвистическим источникам. В современном коми-пермяцком дискурсе эти нормы продолжают сохраняться.

В современных табу-действиях можно проследить остатки былого полового табуирования различных сфер хозяйственной деятельности. Поскольку промысловая деятельность считалась чисто мужским занятием, то прикосновение женщин к орудиям промысла, перешагиванием ею через них могло повлечь за собой неудачу на промысле. Приведем некоторые примеры: (1) охотникам запрещалось мыться в бане после того, как там помылись женщины; (2) перед охотой и рыбной ловлей после интимного общения с женщиной было необходимо пройти очищение путем омовения тела; (3) во время менструаций женщинам не позволяли ловить рыбу сетями, иначе вода и сеть становились «нечистыми». Охотники в этот период не разрешали им даже смотреть на оружие и др.

К табу-словам у охотников можно отнести слово *инь* 'женщина'. Запрет на это слово объясняется тем, что еще в древности в сознании коми-пермяков женщина воспринималась в качестве причастной к нечистой силе. Отсюда и множество запретных действий для женщины.

В коми-пермяцком языке и сегодня существуют запреты на названия ягод и грибов, которые нельзя произносить вслух в процессе их собирания. Увидев первые ягоды земляники, нельзя вслух порадоваться находке, следует сказать: *Гөрд син тэ менам* (Красноглазик ты мой). Можно предположить, что этот обычай сохраняется с весьма древних времен, когда собирательство, которым обычно занимались женщины, являлось условием выживания племени. Подобный современный запрет в коми-пермяцком языке на прямое название рыб и зверей во время ловли и охоты также, скорее всего, восходит к древним формам мужской речи.

Эта же особенность архаичных форм женской речи зафиксирована в оригинальных (не калькированных с русского) коми-пермяцких загадках: Попытаемся поразмышлять над одной народной загадкой *Джэадж до-*

рын *сера Матрён пукалё* 'На краю полки разукрашенная Матрена сидит' (*Симёта кринка* 'Кринка, обернутая берестой'), где неодушевленный предмет «кринка» загадан в образе некой Матрены.

Надо отметить, что в домашнем хозяйстве принято отождествлять «женские» и «мужские» предметы. Отождествление связано с так называемой женской либо мужской работой. К чисто женским предметам, пожалуй, можно отнести различную кухонную утварь, предметы и приспособления, связанные с вязанием, ткачеством и т. п. К мужским – предметы, относящиеся к конной упряжи, охоте, рыбалке, лесозаготовке и т. п. Вот почему кринка в загадке ассоциируется с Матреной.

Подобное находим в загадках о квашне: *Гор вылын дулльось баб пукалё* 'На печке слюнявая баба сидит'; *Гор вылын баба Яга пукалё* 'На печи баба Яга сидит'; *Горвыв дорын дулльось баба вашкётчö* 'На печи слюнявая баба бормочет' (*шöмös* 'квашня').

Указание на женскую работу находим в загадках: *Пöрись старука ой и лун юрбитö* 'Старая старуха день и ночь богу молится'; *Пöрись старука ой и лун енлё кеймö* 'Старая старуха день и ночь сон просит' (*зыбка* 'люлька'); *Гор одзын зырымось старука пукалё да йöсö юкталё* 'Перед печкой сопливая старуха сидит и людей поит' (*ырöш кринка да налевка* 'кринка с брагой и наливка'); *Сьöd гуын мича ныв пукалё* 'В темной яме красна девица сидит'; *Чамын пукалё кузь чикися ныв* 'В кладовке (чулане) сидит девица с длинной косой' (*морков* 'морковь'); *Ичмонька мигнитис, сьöd вöрыс пöрöм, керку сувтöм* 'Невестка подмигнула, темный лес упал, дом встал' (*коса, турун, зород* «коса, трава, стог сена').

Однако этот же материал отражает несколько пренебрежительное отношение к женщине: баба и старуха – сопливая, слюнявая, разукрашенная.

Следующий пример также подтверждает разделение на женское и мужское: *Не мужик, а куритö, не инька, а печкö* 'Не мужик, а курит, не женщина, а прядет' (*Гор лонтисьö* 'Печь топится'). Здесь в принципе разграничиваются мужские и женские привычки и обязанности. Сегодня курение – прерогатива далеко не мужская, и довольно сложно найти прядущую женщину.

На принадлежность дома к женскому локусу указывает загадка *Пöрись старухаос ой и лун пельöттяс кыскалöны* 'Старушку день и ночь за ухо таскают' (*ыбös вуг* 'дверная ручка').

Однако эта позиция знает и противоречия. Так, в паремии *Джодж шöрын кös Матвей чеччалё* 'Посреди пола сухой Матвей скачет' (*рос* 'веник (для подметания пола)') веник назван мужским именем Матвей. А ведь процесс подметания пола в доме, как правило, является женской обязанностью.

Загадок о венике на коми-пермяцком языке несколько. Чаще всего в них в качестве ассоциирующего предмета (а точнее, лица) выступает сноха, что больше всего подходит по сути, по жизненным устоям, по различным свойствам и качествам, обязанностям, в конце концов, которыми в народе принято наделять сноху. Например, *Учöтик ичмонька джодж кузя йöктас,*

йѳктас, порог дынас угѳлѳ сувтас 'Маленькая сноха по полу пропляшет, пропляшет, возле порога в угол встанет' (*рос* 'веник').

Каждое слово данной загадки наделено сильнейшей информационной наполняемостью, очень сильно проявляется метафоризация. «Героиня» загадки – невестка. Именно ее чаще всего недолюбливали в семье, работой которой были, как правило, недовольны, в семье у которой практически не было прав, а только одни обязанности – все это отражено в этом коротком тексте. Невестка маленькая, она не работает, а пляшет, и ее место у порога.

Подобное отношение к снохе отражено в загадке *Учѳтик ичмонька, а каждѳйыскѳт видчѳ* 'Маленькая сноха, а со всеми ругается' (часы с кукушкой). Следующая загадка также переключается с предыдущей: *Ичмонькаѳс мѳдѳтѳны, мѳдѳтѳны, а сѳя сѳ бырѳм* 'Невестку наряжают, наряжают, а она все в рваной одежде' (баня гор 'печь в бане (по-черному)'). Уж если не пришлось невестка ко двору, то ничем и никак это отношение не изменить.

Можно предположить архетипичность загадки о кошке *Умѳлик старушка гор вылѳ лѳдзчѳ-кайѳ, лѳдзчѳ-кайѳ* 'Плохая старушка на печку поднимается-спускается, поднимается-спускается' (*кань* 'кошка'), где кошка сравнивается с плохой (больной) старушкой. Обычно не свойственно связывать старость с кошкой. С одной стороны, здесь дело во внешнем сходстве: сытая, ничем не обеспокоенная кошка без спешки отправляется на место отдыха – на печь. С другой, все дело в печи – месте отдыха и кошки, и старушки. Однако, скорее всего, в данной загадке сохраняется архетип образа кошки, который также тесно связан с гендерным началом.

В бытовых представлениях коми-зырян и коми-пермяков кошка как хранитель крестьянского хозяйства традиционно приравнивается к собаке. Согласно мифологическим рассказам, кошка и собака составляют такую же пару, как корова и конь, причем кошка (как и корова) считается животным женским, в отличие от мужских животных, собаки и коня, что обусловлено функциональной привязанностью кошки к дому, очагу, женщине, а собаки – к улице, лесу, охотнику. Отношение к кошке у народов коми различное у женщин и мужчин. Мужчины не разделяли положительного отношения женщин к кошке и традиционно противопоставляли кошку как носителя *неж* (нечистоты) собаке. Кошка могла лишиться удачи на охоте, поэтому в лесу про нее запрещалось вспоминать так же, как о женщине и священнике. Особенно нечистыми считались кошачьи усы, поэтому еда, которую обнюхала или тронула кошка, считалась испорченной и выбрасывалась мужчинами, а виновница наказывалась. При всем этом, кошка – любимое животное домового (Мифология коми: Кань). В этом контексте очевидна мифологическая связь понятий женщина (старушка), плохая (неж), локус (дом, печь) и кошка.

О равноправии полов в распределении благ в коми-пермяцкой семье говорит загадка: *Крут керѳсѳт, насъкыт ыбѳт ветлѳтѳ иионьт насъ. Гортѳ вайѳтасѳ – урожай босътасѳ, Васѳклѳ валѳнкиз, соѳклѳ кеписѳккес, мамѳлѳ – насъ, а айѳлѳ – тулуп* 'По крутой горе, по широкому полю, ходит теплая шуба. Домой приведут – урожай снимут, Ваське – валенки, сестричке – варежки,

матери – шубу, а отцу – тулуп’ (баля ‘овца’). Коми-пермяцкая семья не обходилась без шерстяных изделий, в загадке оделены все члены семьи.

Традиционный уклад коми-пермяцкой семьи, межличностные отношения в семье довольно часто находят отражение в тексте загадки. Как безусловно женские жанры следует рассматривать в коми-пермяцком языке колыбельные песни (*öviöтаннэз* или *кага öнмöсьтаннэз*) и будильные песенки (*саймöтаннэз*). В таких песнях вполне допустимы новообразования, импровизационные концовки. Это зависит от поэтической одаренности женщины.

На наш взгляд, гендерные исследования в коми-пермяцком языке представляются весьма перспективными. Стилистика коми-пермяцкой женской и мужской речи, безусловно, связана с культурной традицией, ролью женщины и мужчины в семье и социуме.

Литература и источники

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Мифология коми. Энциклопедия уральской мифологии // Internet <http://www.komi.com/pole/publ/history/>

Чагин Г. Н. Истоки народа. Этногенез и этнокультурное развитие коми-пермяков // [Электронный ресурс] <http://www.komiokrug.ru/etnogenez-i-etnokulturnoe-razvitie-komi-permjakov.php>